

Назаров Иван Александрович

МОТИВ БЕЗУМИЯ В ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА 1890-Х ГОДОВ

Статья посвящена одному из основополагающих мотивов творчества Леонида Андреева – мотиву безумия. В статье рассматривается многообразие авторской интерпретации темы безумия на примере ранних произведений (1890-х годов): внимание к пограничным состояниям и необъяснимым явлениям психики человека, философское осмысление проблемы "безумия мира", упоминание об "умственных эпидемиях", обращение к феномену юродства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 141-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена одному из основополагающих мотивов творчества Леонида Андреева – мотиву безумия. В статье рассматривается многообразие авторской интерпретации темы безумия на примере ранних произведений (1890-х годов): внимание к пограничным состояниям и необъяснимым явлениям психики человека, философское осмысление проблемы «безумия мира», упоминание об «умственных эпидемиях», обращение к феномену юродства.

Ключевые слова и фразы: мотив безумия; Леонид Андреев; феномен юродства.

Назаров Иван Александрович

*Московский городской педагогический университет
saper14@mail.ru*

МОТИВ БЕЗУМИЯ В ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА 1890-Х ГОДОВ[©]

Мотив безумия является основополагающим в творчестве Л. Н. Андреева и отмечен вниманием писателя на всех этапах творческого пути. Для цельного осмысления проблемы безумия особое значение приобретают первые литературные работы Андреева 1890-х годов, в которых Л. А. Иезуитова усматривает «зародыш» более зрелых произведений [5, с. 212].

В рассказе «Загадка» (1892) Л. Н. Андреев обращается к иррациональным проявлениям человеческой психики. Сергей Болотин, отличающийся «болезненной добротой и отзывчивостью», влюбляется в Евгению Занегину – героиню, склонную к пессимизму и саморефлексии. Конфликт, возникающий между героями во время обсуждения самоубийства студента, является переломным моментом в произведении. Сергей задается вопросом о причинах суицида юноши и получает неожиданный ответ от своего второго «я»: «Можно, – выскочил откуда-то ответ, и неизвестно отчего сжалось сердце. – Фу, дьявольщина, как нервы развинтились» [1, с. 42]. Психологический надлом героя выражается в виде распада границ между реальным и загробным миром. Болотин «начинает психопатиться» – видит лица мертвецов и гротескные образы призраков, утрачивает контроль над собственными мыслями: «Это мысли-трупы, мысли-привидения <...> каждое чувство приобрело голос, и кричало, и плакало, и смеялось, и безумствовало» [Там же, с. 48].

Особенности характера Болотина (прозвище «здешний Базаров», увлечение философией социального дарвинизма) позволяют провести параллели между героями произведений Л. Н. Андреева и И. С. Тургенева. Обозначенные в статье И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» типы характеров применимы к оппозиции Болотин – Занегина. Герою, стремящемуся к борьбе против несправедливости, идейно противопоставлена Евгения, склонная к внутренней рефлексии. Внезапные проявления психики героя оказываются недоступными для рационалистического познания. Размышляя о мастерстве писателей, Г. Б. Курляндская полагает, что Л. Н. Андреев вслед за И. С. Тургеневым уходит от понимания человека как гармоничного целого, обращается к мотиву необъяснимых изменений в психике, изображает героя «стихийно-неожиданным, трагически обреченным, подверженным мрачно иррациональным переживаниям» [7, с. 268].

В финале рассказа автор обращается к социально-философской интерпретации феномена безумия. После самоубийства Болотина «обыватели поумнее толковали об умственных эпидемиях и нашем нервном веке» [1, с. 50]. Формулировка «наш нервный век» является отсылкой к одноименной книге Р. Крафт-Эбинга, посвященной психологическому портрету европейского общества на рубеже XIX–XX столетий. Специалист подчеркивал болезненную чувствительность и склонность к пессимизму, «на силу которых указывают заметно возрастающее число самоубийств и душевных болезней» [6, с. 7]. Добавим, что Л. Н. Толстой в статье «О безумии» (1910), сравнивая социум с сумасшедшим домом, видит проблему современности в отсутствии веры и смысла жизни у молодых людей, следствием чего становится нравственное безумие [12].

Л. Н. Андреев акцентирует внимание на раздвоении сознания Болотина, появлении второго «я», вступающего в конфликт с основным. Данный мотив звучит в рассказе «Нас двое» (1899) [1], где герой повествует о своем душевном раздвоении: «Твой братец говорит – распущенность, Н. Н. – психопатство. Беда моя в том, что нас – два! <...> несчастье в том, что эти два существа ненавидят друг друга» [1, с. 263]. Опыт самонализа приводит героя к мысли об органичном единстве противоположных начал в человеке: светлого и темного, возвышенного и нечистого. В дневниковой записи от 25 августа 1897 года Л. Н. Андреев размышляет о существовании собственного психологического двойника: «...вечно двоюсь, и от любви я бы хочу, чтобы одним сильным чувством она соединила двух этих людей» [Там же, с. 771].

В этюде «Любовь, вера и надежда» (1898) [1] автор обращается к проблеме бытия человека. Герой Макс Z., разочаровавшись в любви и дружбе, решает посвятить себя вере в человечество. Анализируя образ героя, Е. С. Панкова пишет, что «на имплицитном уровне Андреев побуждал читателя расширить свои представления о Гамлете» [8, с. 63]. Обращаясь к образу красного цветка, в котором герой видит символ абсолютного зла, Л. Н. Андреев развивает идеи, отраженные в одноименном рассказе В. М. Гаршина. Макс борется с мировым

злом, воплощенным в «злой воле и безумии людей» [1, с. 221]. Л. А. Иезуитова подчеркивает, что у обоих писателей «много общих черт в мировосприятии, а также в принципах изображения действительности» [5, с. 221].

В рассказе примечательна картина массового помешательства, возникающая в сознании героя – человечество предстает в образе обезумевшей толпы в храме: «Вместо того чтобы спокойной пройти в широкие двери и спастись всем, безумная толпа с яростным криком и ревом, с жестокостью бешеного зверя душист себя и гибнет – не от огня, которого нет, а от своего безумия» [1, с. 222]. Автор акцентирует внимание как на проявлениях иррациональной природы человека, так и на самом «безумии мира» – метафоре всеобщего заблуждения, ведущего к помешательству и смерти.

В центре внимания рассказа «Исповедь умирающего» (1898) [1] – последние мгновения жизни сознания. По сюжету произведения, в больничной палате № 6 умирающий старик исповедуется врачу-ординатору. Предсмертные воспоминания героя («странное сумасшествие») – ряд символических картин, где реальные события переплетаются с воображаемыми: 50-летнее путешествие героя на конке от Новинского бульвара до Сухаревой башни, гротескные образы пассажиров и кондуктора, смена времен и поколений, происходящая за пределами вагона.

Исповедь героя является частью потока сознания, что отмечено автором как на уровне искажения исторической действительности (первые конки появляются в Москве в начале 1870-х годов, а герой начинает свой путь в 1861 году), так и в самой речи старика, носящей фрагментарный характер – не обладает логической последовательностью, прерывается припадками болезни. В сознании протагониста образ конки соотносится с метафорой течения жизни. Рассуждая о символике конки в русской литературе, Р. Д. Тименчик отмечает значимость мифогенности пространства города, обуславливающей переход «технических новшеств городского быта в емкие культурные символы <...> традиционных культурно-мифологических смыслов» [10, с. 138]. Л. Н. Андреев обращается к мифу о схождении в Аид, на что указывает хронотоп рассказа: смерть как конечная точка путешествия, противопоставление пространства конки и внешнего мира, переплетение в предсмертном сознании прошлого и настоящего.

Место пребывания протагониста (палата № 6) позволяет рассматривать рассказ в контексте творчества А. П. Чехова. В. И. Беззубов пишет, что Л. Н. Андреев признавал влияние современника на формирование собственной художественной манеры и «в начале своей литературной деятельности пытался писать «под Чехова» [3, с. 115]. С повестью «Палата № 6» [11] рассказ Л. Н. Андреева роднит обращение к теме безумия в контексте философского осмысления жизни. Ожидание умирающим стариком времени всеобщего примирения и покоя сближает его с героями и других произведений А. П. Чехова («Дуэль», «Страх») [Там же].

Разносторонняя интерпретация феномена безумия отражена в рассказе «Алеша-дурачок» (1899) [1], где одноименный герой страдает от слабоумия. Помогая несчастному, Мелит сталкивается с проявлением социального неравенства – рубль, данный Алеше, пропивается кухаркой, а умалишенный герой терпит побои. Дети в произведениях Л. Н. Андреева, по мнению З. А. Аутлевой, являются воплощением нравственной чистоты и противопоставлены категории зла [2]. Алеша неспособен противостоять порокам общества по причине недуга и, как следствие, незащитности, однако забота, которую проявляет Мелит, символизирует торжество гуманистических ценностей в человеке. Свообразный конфликт между обществом и ребенком-безумцем, мы полагаем, восходит к первой части повести А. И. Герцена «Доктор Крупов» [4], где в центре внимания – судьба Левки, страдающего слабоумием и терпящего издевательства односельчан.

Поведение Алеши представляется возможным интерпретировать в контексте феномена юродства. Герой обладает характерной внешностью; проявления жестокости, которые терпит Алеша, обличают пороки общества. В пользу гипотезы о наличии феномена юродства говорит эпизод, когда Алеша просит милостыню: «Копеечку... – послышался тихий, точно откуда-то издали долетевший ответ. – А ты звонил? – Не-ет. – Какой же ты глупый! Кто ж тебе даст, если ты не звонил» [1, с. 70]. Прошение милостыни является одной из традиций древнерусского юродства. Отметим литературную параллель Алеши и юродивого Николки из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» [9] – герои просят милостыню и оказываются обокраденными.

Таким образом, в произведениях Л. Н. Андреева 1890-х годов, прослеживается определенный интерес к теме безумия. Опираясь на опыт писателей-предшественников и современников (А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, В. М. Гаршин, А. П. Чехов), Л. Н. Андреев акцентирует внимание на двойственной природе человеческой души, интерпретирует явление безумия в социально-философском аспекте, представляет «безумие мира» как символ человеческих пороков, связывает его с «умственными эпидемиями», обращается к феномену юродства.

Список литературы

1. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М.: Наука, 2007. 805 с. Т. 1.
2. Аутлева З. А. Мир детства в прозе Л. Н. Андреева: некоторые вопросы традиции и новаторства. Новокузнецк: Изд-во Новокузнецк. гос. пед. ин-та, 1987. 21 с.
3. Беззубов В. И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин: Ээсти раамат, 1984. 335 с.
4. Герцен А. И. Рассказы и повести. М., 1987. 336 с.
5. Иезуитова Л. А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: избранные труды. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. 738 с.
6. Крафт-Эбинг Р. Наш нервный век: попул. соч. о здоровых и больных нервах. СПб.: А. Каспари, 1898. 201 с.
7. Курляндская Г. Б. О «таинственном» в прозе И. С. Тургенева и Леонида Андреева // Леонид Андреев: материалы и исследования: сб. / Росс. акад. наук; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; ред. В. А. Келдыш, М. В. Козьменко. М.: Наследие, 2000. С. 265-271.

8. **Панкова Е. С.** Личность и обстоятельства: динамика противоборства (Рассказ Л. Андреева «Любовь, вера и надежда») // Творчество Леонида Андреева: современный взгляд. Орел: ПФ «Каргуш», 2011. С. 59-66.
9. **Пушкин А.С.** Собрание сочинений: в 10 т. М.: Вагриус, 2005.
10. **Тименчик Р. Д.** К символике трамвая в русской поэзии // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. XXI. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 754. Тарту, 1987. С. 135-141.
11. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974-1983.
12. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lev_nikolaewich/text_0800.shtml

MOTIVE OF MADNESS IN L. N. ANDREEV'S PROSE OF THE 1890S

Nazarov Ivan Aleksandrovich
Moscow City Pedagogical University
saper14@mail.ru

The author discusses one of the fundamental motives of Leonid Andreev's creative work – the motive of madness, and considers the diversity of writer's interpretation of madness theme by the example of early works (the 1890s): attention to in-between states and the unexplained phenomena of human psyche, the philosophical understanding of the problem of "madness of the world", the mentioning of "mental epidemics", the reference to the phenomenon of idiocy.

Key words and phrases: motive of madness; Leonid Andreev; phenomenon of idiocy.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются художественные особенности главного героя пелевинских произведений – героя-профана, его влияние на сознание читателя и роль в осуществлении авторского замысла. Герой-профан является духовной копией читателя, точкой отсчёта дальнейшего духовного самосовершенствования, ключом к постижению философии писателя. Особое внимание уделяется философии дзэн-буддизма, концептуальные положения которой часто «ускользают» от внимания критиков и исследователей творчества В. О. Пелевина.

Ключевые слова и фразы: читатель; герой-профан; философия; дзэн-буддизм; просветление; В. О. Пелевин.

Нечепуренко Дмитрий Валерьевич

Челябинский государственный университет
dsyan@mail.ru

РОЛЬ ГЕРОЯ-ПРОФАНА В РАСКРЫТИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА В. О. ПЕЛЕВИНА[©]

Особенность творчества В. О. Пелевина в том, что его цель – не воссоздание жизни в формах самой жизни, а её постижение. Описание личного видения Истины, анализа своего сознания, достигнутого этого, затруднено самой природой человека, которая ограничена, далеко не совершенна. Поэтому некоторые части пелевинского произведения остаются непонятыми (неописанными) до конца, до полной ясности, особенно это касается философских рассуждений о смысле жизни, душе, устройстве сознания, ума, а также воспроизведения в тексте произведения автобиографического «мистического» опыта. Дзэнские представления о том, что внешний мир фактически является иллюзией, что материя, лежащая в основе жизни, лишена постоянства, а постоянна форма, в которую она облекается; что субатомные частицы, образующие эту жизнь-материю, непрерывно двигаются, и что решающим фактором, формирующим реальность, является сознание, стали сегодня привычными для современной науки. Также в среде учёных бытует мнение о том, что дзэн-буддийские концепции, которые, как мы знаем, весьма интересны В. О. Пелевину, обладают более глубоким пониманием природы человека и мира, официальной наукой ещё не достигнутым. Критик С. Кузнецов говорит о вере Пелевина в иллюзорный характер реальности, в которой мы живем. Неслучайно писатель, то и дело моделирует другие миры и рассказывает альтернативные версии российской истории. «Грань между жизнью и смертью размыта: так, герои «Вестей из Непала» и «Синего фонаря» вдруг начинают понимать, что они – мертвецы, а старая шаманка легко вызывает из «нижнего мира» погибших на войне немецких летчиков, чтобы русские девушки, выйдя за них замуж, могли уехать за границу («Бубен Верхнего Мира»). Но, по мнению Пелевина, в наших силах осознать иллюзорность своей жизни и выйти навстречу подлинному Бытию. Так это и происходит с героями большинства его поздних книг: цыплятами, вырывающимися за окна инкубатора («Отшельник и Шестипалый»), мотыльком Митей, превращающимся в светлячка («Жизнь насекомых»), рассказчиком «Жёлтой стрелы», сошедшим, в конце концов, с бесконечного поезда, движущегося к «разрушенному мосту»...» [3]. Героя, которому предстоит пройти этот путь мы называем героем-профаном.